

ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ СТЕРЕОТИПА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Валентина Авраамовна Маслова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания
Витебского государственного университета, Белоруссия, г. Витебск*

Данная статья рассматривает человека с позиций лингвокультурологии на стыках с лингвистикой, психологией, социологией и философией, попытка «встроить» человека в язык, в значительной мере опираясь на собственную языковую компетенцию и интуицию исследователя, а также на языковой материал.

Ключевые слова: стереотип поведения, вербальное коммуникативное поведение, стандартизированное поведение.

HUMAN BEHAVIOR IN THE MIRROR OF STEREOTYPE FROM THE STANDPOINT OF CULTURAL LINGUISTICS

Valentina Maslova Avraamovna,

*Doctor of Philology, Professor of the Department
of General and Russian linguistics Vitebsk State University, Belarus, Vitebsk*

This article considers man from the standpoint of cultural linguistics at the joints with linguistics, psychology, sociology and philosophy, attempt to “build” man in language, largely relying on its own linguistic competence and intuition researcher, as well as language material.

Key words: the stereotype of behavior, verbal communicative behavior, standardized behavior.

Лингвистика к концу XX века зашла в тупик, пытаясь стать точной наукой. Официальный глава русской лингвистики (директор ИЯ РАН) В. М. Алпатов заметил, что сейчас «снижение степени формализации» заметно даже у тех лингвистов, которые долго отстаивали ее, например, у Ю. Д. Апресяна [Алпатов, 2012: 117].

Выход из тупика намечается, во-первых, в интегрировании наук, привлечении «далековатых идей», как говорил М. Ломоносов, а во-вторых, в интересе лингвистики к человеку, ибо для понимания того, что есть человек, важно, чего достигает человек посредством языка. И здесь ее результаты и достижения тесно смыкаются с достижениями ряда наук – философии, психологии, антропологии, культурологии и ряда др. наук.

Как сказал В. Гумбольдт, язык – это важнейший антропологический фактор: «Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им» [Гумбольдт, 1985: 77]. И здесь результаты и достижения лингвистики тесно смыкаются с достижениями ряда наук – философии, психологии, антропологии, культурологии, этнолингвистики и др. Можно предположить, что в скором будущем появится некая интеграционная наука на базе лингвистики, которая поможет раскрытию тайны человека – его происхождения, души, социокультурной среды, в которой он формируется. Возможно, это место займет синергетика либо теория

тотальности (тоталлология), возникшая в 90-е годы XX века. Ее представители считают, что и системное языкознание, и синергетическое – взаимодополняющие сущности [Кизима, 2004]. Разрабатываемая в названных областях знания полифония наук сулит значительные прорывы в будущем.

Было установлено, что соединение знака со смыслом задает ту основу, на которой создается элементарная единица знания, для которой используются различные термины – лингвокультуремы (В. В. Воробьев), культуремы (В. Г. Гак), логоэпистемы (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин), информемы (В. В. Морковкин), концепт (Ю. С. Степанов) и др. Для нас наиболее приемлемым является термин *концепт*.

А пока мы можем констатировать, что без тщательного анализа содержания концепта «человек» невозможно адекватное описание культуры, ибо язык – самое человеческое в человеке. И языкознание здесь может многое: человек рождается в языке, который формирует его мировидение, его реакции на мир, внутренние и внешние качества, его характер и поведение, получившие языковую интерпретацию.

При этом мы исходим из мысли, что сам человек и мир его культуры не отображается, а интерпретируется в языке. Язык задает антропологическое понимание сущего: мир истолковывается по образцу человека, который становится «мерой всех вещей», по Протагору. Человек тождественен миру, а мир тождественен человеку: «Образы мира и человека взаимноизоморфны» [Телия, 1987: 67]. Доказательством тому может стать наше восприятие пространства, отображенное в единицах языка: рядом – *бок о бок, ухо к уху*; близко – *рукой подать, под носом*; далеко – *куда глаза глядят* и т. д.

Отсюда вывод: личность соизмерима с миром, а сам язык насквозь антропоцентричен. Приведенный языковой материал еще раз подтверждает мысль Э. Бенвениста о том, что «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Бенвенист, 1974: 15]. Н. Д. Арутюнова считает, что «присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [Арутюнова, 1999: 3].

Для номинации самого человека в русском языке существует целый ряд слов: *человек, фигура, лицо, особа, индивид, индивидуум, индивидуальность, личность, персона, деятель, душа, создание, существо, личина, маска, морда, харя*, а также многочисленные наименования по полу и возрасту. Большинство из этих концептов хорошо описано в лингвистике: *фигура и человек* Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гаком, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым [Логический..., 1997], *человек и личность* В. Г. Гаком, Р. И. Розиной [Розина, 2003: 369]. *Лик, лицо, личину* анализирует П. Флоренский [Флоренский, 1993], который противопоставляет *лик* и *личину*. «Лик святого – его совершенная и существенная личность... Этот лик (ср. – «подлинник») «просвечивает сквозь икону, житие и самое эмпирическую личность» [Карсавин, 1929: 24].

Человек активно исследуется в работах по языковой картине мира (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, А. И. Геляева), рассматривается сквозь призму метафоры (Н. Д. Ару-

тюнова, Г. Н. Складневская, В. Н. Телия), фразеологии (В. Н. Телия, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, А. В. Артемова, Р. Х. Хайруллина), аксиологии (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия), словообразования (Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина), лексикографии (Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, В. В. Морковкин), этнопсихолингвистики (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Ю. Е. Прохоров) и т. д.

В языке, как в зеркале, отражается все, что его носители думают и знают о человеке. Проблема *Человек в Языке* – из разряда вечных. Человек здесь и объект, и субъект познания, поэтому многое в видении человека зависит от позиции наблюдающего субъекта.

Известно, что не только человек с его культурой влияют на язык, но язык формирует человека. Часто язык навязывает языковой личности представление о мире и самом себе. Так, поэт С. Соловьев пишет о языке:

Не ты владеешь им, а он тобой.

И путь не твой, и взгляд не твой, и жест

не твой, а заданный уже. Ты есть язык,

нашептанный тебе из-за кулис (Соловьев С. «Пир»).

Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании он отрывается от нее, т.к. слова наполняются иным смыслом, и язык сам начинает творить мир и самого человека. Не случайно И. С. Тургенев сказал: «Странное дело! Этих четырех качеств – *чести, простоты, свободы и силы* нет в народе, а в языке они есть. Значит, будут и в народе».

В языке закрепились представления народа о поведении. Прежде всего оно выражено в стереотипах. **Стереотипы поведения** – обобщенное представление о поведении и манерах какого-либо народа: *немецкая аккуратность, испанские страсти, цыганское веселье, русская бесшабашность*. Н. Уфимцева выдвигает гипотезу: «Этнические стереотипы недоступны саморефлексии “наивного” члена того или иного этноса и являются фактами поведения и коллективного “бессознательного”, им невозможно специально обучать» [Уфимцева, 1994: 97]. Думается, однако, что стереотипы следует не только изучать, но и обучать им.

Стереотипы поведения фиксируются в языке. Например, такая особенность поведения русских, как отсутствие улыбки репрезентирована в следующих пословицах и поговорках: *и смех и грех; смехи да хихи вводят в грехи; велик смех, не мал и грех; смехом сыт не будешь; смех до добра не доведет* и под. Унижение другого как вид отношения в обществе также закреплено в языке в виде стереотипов: *плевать в душу, смешать с грязью, обливать грязью, обливать помоями* и др.

В русской культуре одобряется четкое, иерархически организованное поведение как распределение ролей. Члены общества следуют своим обязанностям и уважают правила, связанные с их ролевым поведением. Важность иерархических отношений демонстрируют такие ценности, как богатство, власть, авторитет.

Мы, вслед за психологами и психолингвистами, выделяем четыре типа поведения – 1) бытовое, 2) «знаковое», т. е. культовое, обрядовое, этикетное, 3) игровое поведение – промежуточное между этими двумя и 4) речевое поведение. Нас интересует в большей степени речевая деятельность и речевое поведение. В них за-

действованы социально обусловленные характеристики человека – происхождение, семейное положение, социальный статус, отношения в обществе (дружба – вражда, умение найти/не найти точки соприкосновения) и т. д.: *разбить лед, найти общий язык, говорить на разных языках, быть по разные стороны баррикады* и др.

Речевое поведение – это совокупность речевых поступков. В качестве основных терминов при его анализе выступают следующие: «речевая деятельность», «речевое общение», «речевое поведение» и др.

Какой набор языковых средств может служить для описания и объяснения поведения людей в любой культуре? Б. Уорф писал: «Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [Уорф, 1999: 58]. Отсюда заключаем, что любые единицы языка могут фиксировать и объяснять поведение, однако наибольшей объяснительной силой обладает лексическая, фразеологическая и синтаксическая семантика.

Фразеологизмы, например, имеют высокую языковую стабильность, они участвуют в формировании общезначимого смысла, в трансляции будущим поколениям обыденных знаний и культуры. Устойчивость и воспроизводимость фразеологизмов согласуется с устойчивостью и воспроизводимостью соответствующих культурных практик, ритуалов, обычаев. Например, *выносить сор из избы*. Согласно «Большому фразеологическому словарю», вышедшему под редакцией и при участии крупнейшего русского фразеолога В. Н. Телия, образное основание данной ФЕ прозрачно, но в целом ее значение противоречит здравому смыслу: почему выносить сор из избы – это плохо. Дело в том, что здесь скрыты культурные смыслы, культурные символы – вынося сор из избы (особенно вечером), мы ослабляем «свое» пространство (ср.: до сих пор сохранившийся в народе запрет – не выносить мусор из квартиры вечером).

Часто у лексических единиц в конкретном языке возникают самые различные коннотации. Слово «континентальный» у англичан эмоционально и оценочно окрашены: «не такой, как в Англии, хуже, чем дома»: *континентальный завтрак* – плохой завтрак: ни овсянки, ни яичницы с беконом.

Установить определенные стереотипы поведения помогает не только лексика и фразеология, но и грамматика. Например, в русском языке большое количество безличных и инфинитивных предложений типа: *Его переехало машиной*. В этом языковом явлении отображена такая черта русских, как вера в судьбу, фатализм, пассивно-созерцательное отношение к миру: *Чему быть – того не миновать; Авось кривая вывезет; Утро вечера мудренее*. Это заметила А. Вежицкая. При этом воля превращается в безволие, ибо ничего нельзя изменить с ее помощью. Воля – это способность к действию. Как еще одно подтверждение этому – обилие в русском языке предложений дативного типа, в которых человек предстает пассивным участником перемен, от него не требуется волевых усилий (*Не хотелось Алексею жениться: Хотелось ему Богу помолиться*) (Духовный стих «Алексей Бо-

жий человек»). *Выше головы не прыгнешь*. В «Слове к народу» А. Солженицына на трех стр. 20 таких предложений: *Как нам обустроить Россию*.

Нежелание контролировать ситуацию проявляет себя в обилии выражений типа *мне некогда, негде, некуда: Я не могу, потому что нет времени, места, где я бы мог это сделать*.

Любой язык располагает комплексами лексико-семантических, грамматических, прагматических средств для построения суждений о стереотипах поведения. Именно язык демонстрирует нам, что для русских важно «быть как все», что связано со следующим представлением об устройстве мира: личность важна не сама по себе (как у европейцев), а является частью целого сообщества. Так, положено выглядеть не хуже других, отсюда стремление одеться лучше других осуждается обществом: *Шапка три рубля, зато набекрень; На брюхе шелк, а в брюхе – щелк!* Отсюда недоброжелательство к тем, кто «высунулся»: *Из грязи да в князи; Шишка на ровном месте; Залез в богатство, забыл и братство*.

В языке закрепились следующие стереотипы поведения:

1) вести себя достойно – *умирать как герой*; 2) вести себя уверенно – *держаться как хозяин, чувствовать себя как дома*; 3) приходиться куда-либо точно в срок – *явиться как штык, быть как часы*. Это стереотипы хорошего поведения, их немного в языке. Устойчивых сравнений, характеризующих поведение человека негативно, гораздо больше: 1) вести себя недостойно – *вести себя как баба, вести себя как скотина*; 2) вести себя невоспитанно – *поступать как дикарь, вести себя как мальчишка* (о взрослом), *вести себя как слон в посудной лавке, плевать как верблюд, зевать как бегемот, кривляться как обезьяна; кричать, галдеть, орать как в лесу, молчать как сыч, ругаться как сапожник*; 3) вести себя униженно – *вести себя как бедный родственник, как сирота, просить как нищий*; 4) вести себя подобоострастно – *пресмыкаться, вертеться как вьюн на сквороде, вертеться как флюгер, меняться как хамелеон, петлять как заяц, ползать на брюхе, ползать как червяк*; 5) вести себя назойливо – *приставать как банный лист, присосаться как клещ, пристать как репей, прилипнуть как смола, пристать как с ножом к горлу*; 6) вести себя легкомысленно – *блудить как мартовский кот, порхать как мотылек*; 7) нанести физический урон кому-либо – *убить как бешеную собаку, прихлопнуть как муху, раздавить как клопа, придушить как цыпленка*; 8) применить насилие – *налететь как вихрь, как зверь, как коршун, как собака, бить как сидорову козу, трясти как грушу, изуродовать как бог черепаху*; 9) избегать кого-либо – *бегать как от прокаженного, бояться как чумы*; 10) обращаться с кем-либо снисходительно или грубо – *обращаться как с маленьким, как с мальчишкой, как с малым ребенком; смотреть как на чудака, как на мальчишку; обращаться как с собакой, как со скотиной, травить как зайца, смотреть как на пустое место, обращаться как собака с тряпкой*.

Поведение в обществе хорошо представлено в языке: *раскрепощенный, раскованный, разболтанный, развинченный, расхлябанный, разнузданный – зажатый, скованный, закрутить гайки. Распуститься, распоясаться* – ‘субъект позволяет себе поступки, на которые не имеет права: задевает достоинство других, ведет себя

непочтительно'. Эти глаголы предполагают большую или меньшую степень выхода за рамки дозволенного. Есть и другие нюансы смысла: *подтянутый* характеризует осанку, а *расхлябанный* – движения.

Язык показывает нам, что русскому национальному сознанию присуща терпимость по отношению к бездельникам и безделью в противовес суетливой активности (лежание на печи). Считается, что в этом проявляется мудрость.

Итак, поведение человека вариативно и многообразно, но оно и типизировано одновременно, потому что подчиняется нормам и стандартам, выработанным в обществе. Причем, если стереотипизация распространяется на поведение в любой сфере человеческой деятельности, то социальная норма регулирует лишь общественное поведение людей, таков, например, этикет, который имеет ритуальное происхождение (А. Байбурин).

Стандартизированное поведение имеет свои варианты: поведение крестьянина, воина, ремесленника; в соответствии с критериями биосоциального членения различают поведение взрослых, детей, молодежи, стариков, мужчин и женщин. С учетом конфессионального поведения можно выделить поведение христианина, мусульманина и т. д., с позиций этнического поведения – поведение русского и белоруса, немца и поляка и т. д.

Стереотип – не только негативен, но и позитивен: он удовлетворяет психическую потребность в экономии познавательных усилий, а также поддерживает внутреннюю спаянность сообщества «своих». Стереотипы необходимы нашему сознанию, чтобы ориентироваться в мире. Этнические стереотипы – это представления о качествах своего собственного и чужого народов, они характеризуются следующим: полярностью оценок, жесткой их фиксацией, интенсивной аффективной коннотацией, устойчивостью.

Вербальное коммуникативное поведение складывается из нескольких доминантных для данного народа коммуникативных черт, которые проявляются независимо от того, кто, когда, с кем, где и т. д. говорит, а также правил, действующих в стандартных коммуникативных ситуациях: встреча, приветствие, знакомство, благодарность, прощание, общение в гостях, в учреждении, по телефону и т. д. Например, для русских характерны общительность, нелюбовь к официальному общению, высокая искренность, большое тематическое разнообразие, определенность в выражении точки зрения, чем, например, в общении немцев. Однако по сравнению с Европой, у русских ниже уровень бытовой приветливости, улыбочивости, вежливости. Как отмечал Андрон Михалков-Кончаловский, на Западе много уважения, а мало любви, в России много любви, но мало уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня // Жанры речи. Саратов, 2012. Вып. 8.
2. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3–17.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
5. Карсавин Л. П. О личности // Л. П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. (1929. Т. 1. С. 84–103.
6. Кизима В. В. Тоталлогия (философия обновления). Киев: Парапан, 2004. 272 с.
7. Логический анализ языка. М.: Индрик, 1997.
8. Розина Р. И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное, 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 369–374.
9. Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 65–75.
10. Уорф Б. Отношение норм общения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. Вып. 1.
11. Уфимцева Н. В. Этнические ритмы и стереотипы культуры // Язык. Сознание. Этнос. Культура. XI Всероссийский симпозиум по психологии и теории коммуникации. М., 1994. С. 97–98.
12. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 321 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Linguistics yesterday and today // Genres speech. Saratov, 2012. Vol. 8.
2. Arutyunova N. D. Introduction // Logical analysis of language. The image of man in culture and language. Indrikis M., 1999. P. 3–17.
3. Benveniste E. General linguistics. M.: Progress, 1974. 447 p.
4. Humboldt V. Language and Philosophy of Culture. M.: Progress, 1985. 452 p.
5. Karsavin L. P. About personality // L. P. Karsavin. Religious and philosophical writings. M., 1992 (1929). T. 1. P. 84–103.
6. Kizima V. V. Totallogy (philosophy of renovation). Kiev: PARAPAN, 2004. 272 p.
7. Logical analysis of language. M.: Indrikis, 1997.
8. Rosina R. I. The man and the person in the language // Logical analysis of language. Favorites, 1988–1995. M.: Indrikis, 2003. P. 369–374.
9. Telia V. N. On the specifics of the world of mind and display of knowledge in the language // Essence, development and the functions of language. M.: Nauka, 1987. P. 65–75.
10. Wharf B. The standards of communication and thought to language // Foreign linguistics. Vol. 1. M.: Progress, 1999.
11. Ufimseva N. V. Ethnic rhythms and patterns of culture // Language. Consciousness. Ethnicity. Culture. XI All-Russian symposium on psychology and communication theory. M., 1994. S. 97–98.
12. Florensky P. A. Analysis of the spatial and time-Fine works of art. M.: Progress, 1993. 321 p.